ДАХА ТАРАТОРИНА

ВЕТЛАЯ

Даха Тараторина

Ветлая

«Автор»
2026

Тараторина Д.

Ветлая / Д. Тараторина — «Автор», 2026

Пригожа дочь Пеканьского Головы Ветлая! Коса смоляная, очи что озёра, щёчки мягоньки, а стан горд. Всякий рад эдакую красавицу за себя взять. Ясно, что без жениха долго не проходила.Вот только как быть, коли милый друг вот уж год ни весточки не шлёт? И мудрено ли сдержать слово, данное мертвецу?

© Тараторина Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 14
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Даха Тараторина
Ветлая

Даха Тараторина
Ветлая

Глава 1

«Как могу, подружки, петь?

Милый друг далёко;

Мне судьбина умереть

В грусти одинокой.

Год промчался — вести нет;

Он ко мне не пишет;

Ах! а им лишь красен свет,

Им лишь сердце дышит»[1]

– А ну брысь, пигалицы!

Ставни со стуком отворились, из окна по пояс высунулся дедко и ну браниться! Подруженьки прыснули и бросились наутёк.

– Мужик! Мужик! – хохотали они. – Стало быть, мужней тебе в этом году ходить, В*е*тлушка!

Ветл*ая* бежала со всеми вместе, да сердечко от веселия не заходилось. Она гадала не от большой охоты, а потому только, что, коли опять дома сидеть да вздыхать, батюшка изведётся. Вот и носила она своё горюшко по деревне от избы к избе и вместе с прочими девками слушала под окнами. Считали так: коли окликнешь, и отзовётся хозяйка, не жди сватов до следующей зимы. А коли хозяин, то вышивай милому рубаху да готовь праздничный убор. Ветлае навроде везло: дедко, хоть и старше иного дуба в роще, но всё ж был мужем.

Когда взялись полоть снег, свезло вдругорядь – колечко девке в ладонь легло, словно не роняла она его в сугроб, а сразу в кулаке принесла. И башмачок, перекинутый через забор, тоже указал мыском от ворот. По всему выходило, что надобно ждать свадебку. А Ветлае тошно! Не от того, что суженый не мил и не от того, что страшно родные стены покидать. А от того, что тот, о ком все думы, вот уже год не присылал ни весточки.

Потому и снег скрипел дурно, и месяц светил тускло, и близящийся праздник Перелома не грел душу. Да и вся целиком Пеканька провались – Ветлая не заметила бы. Подружки знай шутят! Кто ледышку на соломенную крышу закинет, кто замычит ровно корова, кто рявкнет:

– Отворяй, хозяин, двери, неси яства да монеты звонкие, не то водою крыльцо обольём – костей не сосчитаешь!

Иные в самом деле отворяли да выносили пироги с киселём. Что уж, и сами, было время, таскались так по дворам в морозные ночи да, прикинувшись силою нечистой, запугивали сосельчан. Иные, напротив, гасили лучины и сидели тихо-тихо, дескать, нет дома никого. Испокон веков так повелось: кто от тварей Безлюдных откупается, а кто прячется. Но во враках сказывают, что и третьи бывают. Те, кто не робеет перед нечистиками и добром не делится, а выступает супротив да грудью защищает то, что дорого. Но таковые, верно, только во враках и остались.

---

[1] В.А. Жуковский «Светлана»

С вечера по деревне ходили раздельно: девки с одной стороны, парни с другой. А к полуночи встречались на серединке, занимали избу, приготовленную намедни, да глядели, кто чего добыл. Вот тогда-то начинался пир! Пение, да пляски, брага да травяной взвар, печево да колбасы – праздник! А всего лучше, что помиловаться можно без родительского надзора. Ветле только миловаться было не с кем… Оно всякий бы рад красавицу приголубить: хороша собою была В*е*тла. Коса смоляная, очи что озерца, брови – два угольных росчерка, бёдра высоки, щёки мягоньки. Ну и что с того, что гордячка? Кто б на её месте нос кверху не тянул? Зато стан… Такого стана ищи – не найдёшь! Не шла – плясала! И всё плавно да текуче, хоть с ведром, хоть с корзиною на локте, хоть после жатвы. К тому ж была Ветла единственной любимой дочкой Головы, стало быть, и приданного за ней обещали немалого. Но с тех пор, как уехал торговать любый Скрад, девка с парнями словом перемолвиться гнушалась, не то что об руку ходить. Вот и нынче собиралась воротиться домой прежде, чем молодёжь сподобится на засядки. Однако ж всякая врака с чего-то да начинается, и эта началась с того, что проказливые деревенские парни не утерпели и поймали красавиц прежде, чем пришёл срок. Да не просто поймали, а надев страшные личины, вывернув мехом наружу тулупы да бренча трещотками. Шумной толпой они выскочили на узкую тропку аккурат девкам навстречу.

– От мы вас поймаем да утащим в Безлюдье! Ать!

Девки в визг! Нишка ломанулась в сугроб, да так в нём и увязла, Лала развернулась, да столкнулась с Ралкой, и обе завалились, Залушка упала навзничь. Ясно, и Ветла перепугалась. Побежали: кто направо, кто налево, кто и вовсе не разбирая дороги. А по глубокому снегу далеко ли убежишь? Снегу, надо сказать, в тот год навалило столько, что иной плетень потонул. И Ветла, пробираясь по целине, из сил выбилась почти что сразу. А уж вымокла от страха да усталости – страсть. Вот тебе и праздник! Лучше бы в самом деле сидела у печи да сердце бередила. Всяко спокойнее. Но деваться некуда и, едва оторвавшись от погони, девка принялась вытряхивать ворот и поршеньки[2]. Подняла очи – и обомлела. Так уж пошутили жестокие боги, что оказалась она аккурат в том месте, от которого держаться старалась подальше, – у избы Скрада.

Нынче Ветлая здесь появлялась нечасто. Кабы успел милый посвататься прежде, чем уехал, это одно, а так… Кем постучится она в дверь? Не женой, не подругой. Девкой прилипчивой, да и только. И к кому стучать? Милого нет, остались дома мать да братец старший. И этот-то братец Ветлу невзлюбил с тех самых пор, как впервые встретил. Извечно суровый да насупленный, злющий, словно ворон на погосте, Радим был чёрен от того, что всё время проводил в кузне, и под слоем сажи уже было не разобрать ни цвета волос, ни лица его. Когда же младшенький любимец уехал на заработки, Радим совсем потемнел. Словно самая душа его нырнула в тень от горя. И, коли случалась у Ветлы надобность в кузнеце, она всячески старалась не сама идти, а отправить товарку или попросить тятю. Ветла успела подумать, что надобно поскорее убраться прочь, как вдруг дверь избы распахнулась, и из неё выскочил не то человек, не то в самом деле нечистик. Взлохмаченный, чумазый, он размахивал длинными руками и бранился на чём свет:

– …чтобы и думать забыла! – кричал он. – Ты эти шутки брось!

Резко поворотился да и сшиб девку железным плечом! Ветлая покачнулась и села в снег. Радим же грозно рявкнул:

– Кто тут на дороге стоит?! Ну?!

Наперво, Ветле захотелось сжаться в комочек, так страшен был кузнец! Но всё ж была она не абы какой девкой, а любимой дочкой Головы и опрокидывать себя всяким встречным-поперечным не дозволяла.

---

[2] Поршни – простейшая кожаная обувь.

– А ты гляди, куда прёшь! – в тон Радиму ответила она. – Ишь, машет тут, как мельница, чуть не убил!

Тут Радим и узнал Ветлу. Потянулся было утереть сажу со щёк, но сам себя одёрнул и бросил:

– Шатаются тут всякие!

– А тебе какое до того дело?

– Мне? Мне – никакое, – насупился кузнец. – Иди куда шла!

И, так и не подав девке рук*и*, сам зашагал по тропке. Ветла плюнула ему вослед. Кузнец весь был словно и не человек вовсе. Ноги-руки длинные, высок и худ, лохмат, неизменно горбился и глядел на всех исподлобья. Не зря бабки говорят, что водится с нечистой силой! Добрый человек он же какой? Он как Скрад! Братья друг на друга не походили ни на медную монетку, и в том для Ветлы была радость. Милый был светел и улыбчив, кудри его золотились на солнце, глаза сияли родниковой чистотой, а когда Скрад подхватывал её и кружил, сердечко готово было выпорхнуть из груди! Ветла глядела, как удаляется прочь брат суженого, и в горле встал ком. А тут, как на зло, дверь избы распахнулась вдругорядь, и на порог вышла хозяюшка.

– Больно я тебя спрашивать стану! – крикнула она в спину Радиму и тут только заметила гостью. – Ветлушка, ты?

Девка криво улыбнулась.

– Я, тётка Ссоха, я.

– Никак плачешь? Радим что недоброе ляпнул? Ходи ко мне, милая! Подымайся!

Ветла сцепила зубы: плакать на людях ей никак было не положено, тем паче из-за какого-то кузнеца. Потому она вытерла рукавом нос, пощипала и без того румяные от мороза щёчки и вошла.

Здесь надобно особо сказать про вдову. Была Ссоха не сказать, что на диво приглядна, но так ловка, шустра и проворна, что ни у кого язык бы не повернулся сказать, будто она не красавица. Рано проводив мужа в Тень, во второй раз она убор невесты так и не надела, боги знают как в одиночку подняв сыновей. А впрочем, боги как раз и знали, а люди догадывались. Была Ссоха приветлива и улыбчива и, болтают, умела так встретить иного мужика, что опосля он только об ней и говорил. Но сплетни сплетнями, а за руку вдову никто не ловил. А коли и поймали бы, разве можно судить бабу за то, что пожелала тепла да ласки? Из семьи никого не свела, и на том спасибо. Сказывали про Ссоху и ещё кой-чего, ну да об том после.

Вдовушка поправила косынку на голове, завязанную узлом вперёд, как у мужней, уперла ладони в округлые бёдра и велела:

– Скидывай тулуп.

Дом у Ссохи был ей под стать: чистый, светлый да тёплый. Окна украшали вышитые занавеси, на волоках[3] висели праздничные рубахи да нарядные полотенца, на столе, накрытый тряпицей, стоял румяный каравай, так никем и не разрезанный. Подле – кувшин с горячим сбитнем. Ссоха расправила яркий платок на плечах и подтолкнула гостью.

– Садись, Ветлушка. Вечерять будем.

– Негоже…

Девка развязала тулупчик, но садиться не спешила: как без хозяина-то? Вдова угадала её мысли и скривилась.

– Радим нынче снова в кузне ночует. Повздорили мы. Садись, горлица, уважь старую хозяйку.

Что же, коли Радим не воротится, можно и выдохнуть. Ветла разделась, отряхнула веничком снег с ног и устроилась, где велено.

[3] Жерди под потолком для хранения одежды. В праздники на них нарочно вывешивали самые нарядные и яркие изделия.

– От Скрада ни словечка, – не то пожаловалась, не то спросила Ссоха. – Сердечко так и заходится по нему…

– Да…

Больше Ветле добавить было нечего.

– Радим, что ни день, то сильнее ярится. Скрад его с собою звал, а он не поехал. Вот душа и неспокойна. Чую, беда приключилась.

Ветлая вскочила прежде, чем успела подумать, и трижды стукнула кулаками по столу, чтобы отогнать дурное предзнаменование.

– Тьфу на тебя, тётка Ссоха! Боги не попустили бы…

Вдова и не дрогнула.

– Сядь. Боги иной раз глядят не туда, куда надобно. И какая я тебе тётка, Ветлушка? Это соседка али бабка знакомая тётка, а меня маткой Ссохой зови. Почитай одна семья ведь.

Предательские слёзы вновь попросились наружу.

– То мне в радость… Да только Скрад сватов обещал прислать, когда воротится. А покуда сватов нет, я ему навроде как и не невеста…

– То бредни.

– Как бредни-то? Бабки-деды так завещали.

– Бабки-деды давно жили, а мы нынче. И, коли я тебя невесткой считаю, то ты мне невестка и есть.

Ссоха вдруг стиснула запястье Ветлае и заглянула в глаза. И на миг девке почудился колдовской пламень в её зрачках.

– Что скажешь? Невестка ты мне али чужой человек?

Ногти впились в белую кожу, но девица того и не заметила. Так и глядела в чёрные очи вдовы, заворожённая.

– Не чужой, – выдохнула она как заклятие. – Невестка.

Ссоха обрадовалась:

– То-то же! На-ка, хлебни сбитня. Сбитень у меня дюже хорош!

Сбитень в самом деле был добрый. Пряный – ажно на языке горько, горячий, кисленький. Ветла мигом согрелась и сняла убрус. Цветастые ленты рассыпались по плечам, смоляная коса лощёно заблестела в свете лучин.

– Хороша невестушка, – похвалила Ссоха. – Боги вдохнули в тебя довольно жизни и на красоту не поскупились.

Ветла потупилась.

–[4] Сглазишь…

– Сглазить боятся тех, кому Рожаница даров пожалела. А у тебя их хватает.

Вдова погладила Ветлу по щеке, сняла соринку с венца. Девка только что не замурлыкала: хоть боги и не пожалели ей красы, но оказались скупы на материнскую ласку. Осиротела Ветла рано и, хоть отец баловал чадушко да лелеял, а мать заменить не умел. От того, быть может, девице и хотелось броситься Ссохе на грудь, увешанную монистами, да плакать, жалуясь на тяжёлую судьбину. Однако срамиться девка себе воспретила и указала на первое, что заметила:

– Печь у тебя, каких ни у кого не сыщешь.

Печь у вдовы в самом деле была диковинная. Обыкновенно все в Пеканьке каменки попросту белили, подновляя краску к праздникам. А у Ссохи на глине распустились причудливые цветы. Вдова небрежно махнула:

– Радим малюет. Нет бы полезное что…

– А мне нравится, – тихонько сказала Ветлая.

Ссоха фыркнула.

---

[4] Убрус – головной убор, напоминающий платок.

– Проку с этого малевания… Только монеты на краску переводит. А как дело какое серьёзное – не допросишься его!

Ветла кузнеца не сказать, чтобы совсем не любила, но как-то так выходило, что, стоит им столкнуться, желала Радиму то чирьев на заду, то молока прокисшего, то и вовсе сквозь землю провалиться. Вроде шли себе оба по делам, а слово за слово, обидка за обидку – и на. Но попусту винить человека девка не хотела, даже если тем человеком был зловредный кузнец.

– А батька хвалит. Говорит, добрый мастер.

– Мастер, может, и добрый. Зато сын – хуже некуда! – отрезала Ссоха. – Может потому только Скрад до сих пор не возвратился, что Радим с ним не поехал! А я ведь упрашивала: побереги, мол, младшенького, уследи!

– А он?

Вдова скрестила руки на груди, от чего монисты обиженно звякнули.

– Сказал, коли жениться Скрад шибко взрослый, то и денег на выкуп без него добудет.

Ветлая только что не заскулила. Ни словом вдова её ни уколола, но обе подумали об одном: кабы Голова не затребовал за дочь богатый выкуп, Скраду и уезжать не пришлось бы.

– Хоть бы знать, что здоров он, – пролепетала девица. – Одним глазочком бы поглядеть и… Хоть до старости ждала бы! Хоть древней старухой бы его встретила! Только… Только…

Она уронила лицо в ладони, и всё ж вырвались, потекли меж пальцев слёзы.

Долго молчала хитрая Ссоха. Не утешала невестку, но и рыданиям не вторила. А после наклонилась к Ветлае и прошептала:

– Одним глазком, говоришь? Есть способ…

Вот тут и надобно сказать, какой ещё слух ходил про вдову. Никто, конечно, за то её не судил. И не только от того, что страшно, но и от того, что много кому Ссоха успела пригодиться. Болтали, будто вдова – колдовка.

– Коли в самом деле хочешь милого увидать, коли не убоишься…

– Не убоюсь! – перебила Ветла. – Ничего не убоюсь!

Ссоха показала зубы – мелкие, острые и белые, как у зверька какого.

– Дождись, покуда в избе никого не останется, и сделай так…

***

Домой Ветлая спешила, как никогда прежде. Утоптанная тропка часто скрипела под поршеньками, подглядывали с чистого небосвода колючие звёзды, а издали доносились смех да обрывки песен. Но не до забав девице было. Не до подружек, не до уборов праздничных и не до сытного угощения. Она спешила, оскальзываясь, то и дело неловко соступая в сугробы, и думала лишь о том, успеет ли свершить задуманное этой ночью. Голова, отправив дочь ходить, и сам не собирался в избе засиживаться. Небось со свояком вместе проверяют, что гончар написал на донышке кувшина, в каковом подают брагу. А ну как раздумал? Коли в избе остался или, того хуже, сам гостей зазвал? Девица торопилась, себя не помня от страха и предвкушения. Оттого не сразу приметила, что маленько в стороне летит большая чёрная птица. Ворон перепархивал с плетня на сарай, с сарая на собачью будку, с будки на амбар. Перепархивал, но не отставал.

– Злая птица! Не к добру, – пробормотала Ветла и махнула: – Кыш! Пошла прочь!

Ворон развернул крылья и хрипло каркнул, у девки ажно нутро похолодело. Она побежала дальше – а ворон за ней!

– Отстань! Уходи прочь, улетай!

Но куда там напугать эдакую образину!

Не успела Ветла надумать себе ужасов, как из чьей-то клети выскочила кошка – и скок на птицу! Ворон тяжело вспрыгнул на голую берёзу, кошка за ним. И ну шипеть! Ну да Ветлае до них дела не было. Она припустила к родной избе и вскоре отворила калитку.

Светцов в занавешенных инеем окнах не горело. Свезло, стало быть – ушёл батька! Ветла нащупала в тайничке за наличником ключ, отперла замок и ввалилась в дом. Вроде на улице темень, а тут и вовсе хоть глаза выколи! Но Ветла и слепой бы не потерялась. Накинула крючок на петлю, чтобы никто не помешал, стряхнула тулупчик с плеч, бросилась к ларю со всяческой девичьей утварью. Отыскала завёрнутое в рогожу зеркальце – отцовский подарок. Затеплила лучинку. Добро!

И хотела бы – не забыла, что делать дальше. В точности выполнила наказ колдовки. Утвердила зеркальце на столе, села пред ним, взяла лучинку. В отражении девка сидит напугана! Бледна, глазищи – блюдца, уста алые, точно в лихорадке. Но то лишь отражение. Сама-то Ветла ничуточки не боялась! Лишь о милом думала.

– Где бы ни был, любый мой, в чужом краю, за морем, за горами, за Сизым лесом, в воде али в небе, на земле али под землёй, отзовись!

Тревожно взвизгнул за печкой сверчок, заскулил в трубе ветер. А после грохотнуло на крыше так, словно свалился откуда ни возьмись огромный ком снега, – и стихло. Сердечко у Ветлы так и зашлось, руки задрожали. Но голос был твёрд.

– Где бы ни был, любый мой, в чужом краю, за морем, за горами, за Сизым лесом, в воде али в небе, на земле али под землёй, покажись!

Словно бы огонёк лучины стал бледнее, а зеркало и вовсе затянуло рябью. Растаял бледный образ девичьего лица, растворился в непроглядной тьме. И там, в чёрной дали, будто бы зашевелилось что-то…

Девица не смела оторвать взгляда от чёрной глади.

– Где бы ни был, любый мой, в чужом краю, за морем, за горами, за Сизым лесом, в воде али в небе, на земле али под землёй, явись! Слово моё крепко, слово моё твёрдо. Зову тебя своею кровью!

С этими словами Ветлая расстегнула булавку, которой крепила убрус. На булавке сверкал махонький алый камешек – материно наследство. Но нынче заплатить придётся иной ценностью. Девка затаила дыхание и проколола палец, а после приложила его к стеклу. Один или два удара сердца ничего не делалось, а после отпечаток вспыхнул, как уголёк, и пропал. А по ту сторону стекла загорелся огонёк. И зазвучали шаги.

Словно кто-то ковылял из последних сил, подволакивая ногу…

Тук – и скр.

И вдругорядь: тук – скр, тук – скр.

Огонёк покачивался, приближаясь. Неровный, тусклый пламень. Казалось вот-вот пропадёт, а с ним вместе видение. Но: тук – скр, тук – скр… Ветла не смела моргнуть. Ещё маленько, самую чуточку – и разглядит того, кто несёт светец…

– Любушка… – наконец донеслось из-за стекла.

Голос был хриплым, словно глотку милого засыпало землёю.

– Скрад!

Она бы вскочила, выронила лучину да разбила зеркало на радостях, но словно неведомое колдовство сковало девицу. Она сидела пред зеркалом и едва дышала.

– Любушка… ты?!

– Я, милый, я! Жду тебя, богов молю, упрашиваю… Где ты, свет очей моих, радость моя, жизнь моя, где ты?!

Вот уже можно разглядеть лицо. Милый всё тот же – улыбчивый, высокий, широкоплечий! Златые кудри его вьются упруго, серые глаза сияют прежней любовью. Только голос словно бы чужой…

– Любушка… – выдавил он. А после тук – и скр. И ещё на шаг приблизился. – Я… Не ведаю, где я. Темно… Потерялся… Только твой свет увидал – и вышел! Любушка, ждёшь ли меня?

– Жду, Скрад, любовь моя! Жду, как иссыхающая земля ждёт дождя! Жду, как ночь дня!

Он будто бы напротив сел. Подайся, девка, вперёд, и снова прильнут к твоим горячие уста! Но меж влюблёнными стояла невидимая преграда, и разрушить её не под силу было даже великому колдовству. Скрад протянул руку, и словно въяве ладонь опустилась девице на плечо. И холодна была та ладонь! Ветла хотела было шевельнуться, но милый упредил:

– Не оборачивайся, не то беда случится!

– Ты далёко, – прошептала она. – Нет беды страшнее… Возвращайся, милый! Что хочешь сделаю, что пожелаешь пообещаю, только возвращайся! Нет жизни без тебя!

– Не могу. М*о*чи… нет… вырваться.

Каждое слово он с усилием выталкивал из груди. И не верилось, что полный жизни улыбчивый Скрад за стеклом и тот, что говорил, – один и тот же.

– Я помогу! Как помочь тебе, Скрадушко, люба моя?

Он замер, прислушиваясь неведомо к чему.

– Слышишь? То стучат топоры. Рубят деревья для похоронных коробов…

– То тебе мстится, милый. Это сердечко моё горячее стучит, по тебе тоскует!

– Слышишь скрежет? То надвигают крышку на похоронный короб…

– Враки! То жернова на мельнице! Скоро печь хлеб к нашей свадебке!

– Слышишь? Ветлаюшка, жизнь моя, слышишь? Мёрзлая земля звенит – то лопаты ковыряют яму для похоронного короба.

– Неправда! То бубенцы на тройке лошадей. Ты сватов прислать обещал! – крикнула Ветла.

Обнять бы его покрепче! Вдохнуть запах ношеной рубахи, завизжать, когда жених оторвёт её от земли, запрокинуть голову, когда закружит. И небо, синее, бесконечное, закружится над ними быстро-быстро!

Ветлая и не заметила, как похолодело в избе, а дыхание у рта обратилось белым облачком.

– Возвращайся, Скрад! Возвращайся, заклинаю богами светлыми и тёмными! Пусть хоть кто, но воротит тебя!

Любый переменился в лице. Только что улыбался светло и ласково, а вдруг оскалился как зверь дикий и кинулся грудью на стекло. На миг почудилось – проломит! Зеркало покачнулось, но устояло, а Скрад прорычал:

– Спасайся, дурная девка! О своей защите богов моли, а меня забудь! Спасайся, спасайся!

Он бился, словно птица в окно, и зеркало пошло трещинами. Одна, вторая, третья.

– Спасайся, Ветлушка!

Девка сидела ни жива ни мертва. Как тут заметишь, что лучинка почти догорела? Трещины бежали по стеклу, и из них, как из прохудившегося корыта, сочился чёрный дым.

– Спасайся!

Зеркальце подпрыгнуло на столе.

– Спасайся!

Отломился и брякнул о пол кусочек стекла.

– Спасайся!!!

Через прореху в зеркале выпросталась костлявая рука в истлевших обрывках, потянулась к шее…

Лучинка обожгла пальцы. Девка охнула, выронила её, и изба захлебнулась во тьме.

Кто-то заколотил в дверь что есть духу. Раз, другой, третий.

– Ветла! Ветла! Ветлая, отворя-а-а-ай!

Девица охнула и… проснулась.

Меж ставней заглядывало холодное зимнее солнце. Девица задремала за столом да так, верно, до самого утра и просидела. В дверь колотил батька: нагулялся со свояком. А зеркало стояло разбитое.

Глава 2
«Сели… кони с места враз;

Пышут дым ноздрями;

От копыт их поднялась

Вьюга над санями»
[5]

Никогда прежде такого не случалось, чтобы у Ветлы всё валилось из рук. И горшок с кислыми щами расколотила, и иглой все пальцы исколола, и даже пол вымести не сумела: метёлка рассыпалась, как заколдованная, стоило девке её коснуться.

– Ну что за напасть! – всплеснула Ветла руками.

Другая бы на её месте села да расплакалась, но негоже дочке Головы, первой красавице на деревне, сопли распускать по всякой безделице. К тому ж дела делами, а надобно ещё повидаться со Ссохой да рассказать ей о чудн*о*м сне.

Потому, насилу управившись в избе, Ветла завязала платок, накинула отцовский кожух заместо своего нарядного тулупчика и выскочила за порог. Оно, если кто узнает и спросит, куда направляется, невелика помеха. Но отчего-то говорить ни с кем лишний раз не хотелось, а коли по правде, так и сил не было. Девка и до вдовы-то доковыляла с трудом, словно только поднялась после тяжкой болезни. Лёгкий снежок ложился на плечи мягким одеялом, тропка хрустела и закладывала петли по деревне, мороз целовал щёки и чело до красноты, и Ветла шла, ровно сонная. Она покачивалась, как хмельная, а перед глазами всё плыло, и то и дело вспоминался образ Скрада: то улыбчивого и весёлого, то отчего-то бледного и исхудавшего. Словом, добредя до нужной избы и стукнув в дверь, Ветла так и свалилась. И надо же было такому случиться, чтобы отворил проклятый кузнец, да ровно в тот миг, когда девка покачнулась. Вот и вышло, что упала Ветлая аккурат в объятия Радима.

– Кого ещё нечистые принесли?! – гаркнул он, однако же поймать поймал. А разобравшись, кого именно, скривился, словно гадость какую проглотил: – Тебя только не хватало! Чего надобно?

– Вот уж точно не тебя! – успела ответить Ветла и провалилась в темноту.

Во сне чудилось, что большая чёрная птица сидит подле головы и чистит перья. Ветла хотела спугнуть её, но отчего-то помедлила, а там и вовсе поленилась. Птица была грозная, но вела себя тихо и словно бы отгоняла от девки дурные сны. Ветла поворотилась на другой бок, и тут только вспомнила, зачем и куда пришла. Подхватилась – гля! В изголовье сидел Радим и ножом, оплетённым бечёвочкой, вырезал птицу из деревянного чурбачка. Опилки скручивались тугими кудряшками – ну точно волосы милого Скрада! – и падали на пол.

– Что дёргаешься? – неприязненно буркнул кузнец. – Наперво, вломилась, куда не звали, а теперь шарахаешься, словно я тебя силой приволок. Не дура ли?

– А у тебя сажа на лбу! – не нашла ничего лучше девка. – Страшен как рогатый!

– Ты зато красавица! – передразнил Радим.

Обыкновенно Ветлаю в самом деле красавицей величали и, подумав, что дурёха не поймёт издёвки, кузнец пояснил:

---

[5] В.А.Жуковский

– Глазища провалились, сама ажно серая! Что, небось хорошо вчера на засядках повеселились?

Сам-то кузнец на вечорки не ходил. Это братец его дюже был хорош: и прибаутку расскажет, и спляшет, и иную какую забаву сочинит. Радим, если и заглядывал, то для того только, чтобы всем праздник попортить. Да и какой праздник с кузнецом? За ним сила нечистая по пятам ходит! Вот и не звали. И Ветла первая, коли речь заходила, фыркала: больно Радим нам нужен, только молоко от него киснет! Но и объяснять, отчего спала плохо, девица не собиралась.

– Я к матушке твоей, – коротко сказала она.

Радим развёл руками: ищи, дескать. Нет Ссохи!

– Когда воротится?

Кузнец пожал плечами, а Ветла решила:

– Подожду.

Радим не ответил. Оно им обоим друг с дружкой время коротать не в радость, но и расходиться навроде не из-за чего.

– Птицу вырезаешь?

Кузнец покосился на Ветлу и локтем закрыл работу.

– Не твоё дело.

Ветла отсела на другой край скамьи.

– Вырезай как надобно, тогда и прятать не придётся.

Кузнец, верно, покраснел, да под слоем сажи не поймёшь.

– А ты как будто лучше можешь!

– Могу. Меня тятя научил. Дай нож.

Радим помедлил, но отдал. Да не передал из рук в руки, как заведено, а осторожно положил на лавку, чтобы не коснуться ничего, кроме оплетённой рукояти. Побрезговал? Ветла взяла нож, брусок и принялась за дело. Оно ясно было, где кузнец наметил крыло, а где клюв. Если прищуриться, можно даже распознать голубка. Но руки Радима грубы и всё больше орудовали тяжёлым молотом, а не быстрым ножом. Он и сам был что молот: неотёсанный, чумазый, с тяжёлой поступью. А вот Скрад – он был ножом. Ловкий да острый, он сиял, как начищенный клинок. Такой только в дорогие ножны наряжать. Ветлая прежде к кузнецу особо не приглядывалась. А чего на него смотреть? Он и сам, коли сталкивался с девкой ненароком, спешил пойти прочь. Но нынче время странное, и вот сидели они рядышком, хоть и стараясь отодвинуться подальше.

– Ты лезвие глубоко втыкаешь, а надо лёгенько, едва касаясь. Словно девке волосы с лица убрал, – учила Ветла.

Она вскинула глаза, и Радим тут же отвернулся.

– Я не Скрад – девок ласкать не привык, – буркнул он.

Ветлая, как обычно с ней при кузнеце бывало, вспыхнула на ровном месте:

– Ты что же это, говоришь, что он много с кем помиловаться успел?!

А ведь мог бы… Что греха таить, Скрад был на диво пригож. Оно и статью боги его наделили, но куда краше он был той красою, которую не одеть в дорогой кафтан да не обуть в красные сапоги. Той, что не сменится морщинами и не разменяется на проседь в бороде. И – слыханное ли дело! – впервые, глядючи на Радима, Ветла подумала, что той самой красы довольно и у него. Пусть кудри кузнеца не вились золотыми кольцами, а падали на лицо слипшимися от пота тёмными патлами, пусть глаза не светились родниковой чистотой, а чернели, как у матери, а сам он был худ и бледен, а не широкоплеч и румян. Но всё ж имелось в нём и что-то, из-за чего хотелось глядеть и глядеть. Но Радим заметил, что Ветла рассматривает его, и девица потупилась.

Отчего-то кузнец не взвился, как за ним обыкновенно случалось, а тихо ответил:

– Нет. Скрад тебя одну любил. Так, как никого боле…

Не из тех был Радим, кто душу вывернет перед другом, а уж перед девкой сопливой и подавно. Никто в Пеканьке не мог похвастать, мол, пожаловался ему об чём-то кузнец. Работу свою Радим делал хорошо, но молча, и точно так же привык молчать и о горестях. Потому Ветла долго размышляла, отчего вдруг захотелось обнять эдакого чурбана неотёсанного. А как поняла, так сразу устыдилась. Вот уж год лелеяла девка свою беду, подружки её утешали, батька баловал и даже вдова Ссоха только добром поминала вместо того, чтобы попрекать. А вот Радиму никто доброго слова не сказал и подавно не пожалел. А ведь он брата потерял... Мать родная, и та старшего винит, что не поехал, не доглядел за младшим. И тогда Ветла сотворила такое, о чём и помыслить прежде не могла: отложила нож и накрыла своею ладонью руку кузнеца. Тот весь окаменел. Сгорбилась больше обычного его спина, напряглись плечи, сжались челюсти, а пальцы впились в край лавки так, что чудилось, вот-вот отломят кусок.

Ветла тихонько проговорила:

– Нет твоей вины в том, что Скрад пропал. Коли кого и можно в том укорить, то меня, а ты... Ты Скраду отца заменил.

Радим скрипнул зубами и, слепо таращась в стену, молвил:

– Был бы как отец, от беды бы уберёг.

– Бредни! Ещё, может, и беды никакой нет... Я... Знаешь, он мне снился! Живой и зд... – Девка вспомнила костлявую длань, выпростанную из зеркала, и осеклась. – Живой! Сердцем чую, свидимся ещё!

– Живой...

Радим горько усмехнулся, а там и вовсе подскочил. Хотел крикнуть, да заместо того смахнул со стола крынку молока, приготовленного к вечере. Ветла поджала губы: их корова вот уже третий день не доилась, уже и травами окуривали, и божка в хлев заносили, а этот добро переводит... Ссоха-то скотину вовсе не держит, купила небось. А кузнец безразлично перешагнул белую лужу, расплывшуюся по доскам.

– Тебе-то откуда знать?

Девка не утаила:

– Я давеча на зеркальце гадала...

Радим вперился в девку недобрым взглядом, словно раскалёнными гвоздями проткнул.

– Подучил кто?

– Матушка твоя велела слова заветные сказать, и...

Ох и широк шаг у Радима! Только что у печи стоял – раз! – и уже подле лавки, да над девкой нависает.

– Какие слова?

Ветла шарахнулась, но кузнец поймал её за подбородок и пытливо повторил:

– Какие слова?

Девка нахмурилась.

– Где бы ни был, любый мой, в чужом краю, за морем…

– …за горами, за Сизым лесом, в воде али в небе, на земле али под землёй... – в унисон повторил Радим. – Кровью поила?

– Кого?!

– Нечисть, которую позвала!

Силён кузнец! Вроде тощий, что жердина, сутулый да хмурый, но не одной волею держит молот! Он обхватил девку под руками, придавил к стене и приподнял.

– Поила, ну?!

Глаза его пылали, что угли в печи! И впервые Ветлае подумалось, что Ссоха в самом деле колдовка, и сыновья её тоже не из простых. Но не выказать же испуг перед каким-то кузнецом? Девка брыкнулась.

– А тебе какое до того дело, бесь чумазый?

У кузнеца волосы на голове дыбом встали.

– Дура! – взвыл он. – Дура, каких поискать!

Ветла робкой не слыла, потому извернулась да и залепила невеже оплеуху.

– На себя погляди!

Радим отпустил, но так и остался стоять близко-близко. Он беззвучно шевелил губами, а у Ветлы от того сжималось что-то внутри. Наконец Радим отмер и метнулся к ларцу, где хранил самое дорогое, что имел. Откинул крышку, отодвинул краски и с самого дна достал засаленную тряпицу. Ветла вдохнуть не смела: ну как снова набросится? А кузнец протянул свёрток ей.

– Бери. И боле к мамке близко не подходи. Тем паче не слушай, что треплет.

– Только тебя не спрашивала, кого мне слушать, а кого нет! – буркнула девица. – Ты мне не брат, не отец и не жених!

Кузнец пуще прежнего взвился. Подошёл, с силой впихнул свёрток, что девка едва не завалилась, и прорычал:

– Увижу подле нашего двора – рубаху задеру и всеку так, что сидеть не сможешь!

Ветла задохнулась от злости. Ишь, выискался! Мало того, что командует, так ещё и грозит! Да чем! Бесстыдник! Кровь прилила к щекам, от ярости все слова позабылись. Ветла швырнула свёрток в кузнеца, тряпица раскрылась, и из неё выпал железный оберег с коловоротом. Радим отскочил от него, словно от головешки горящей, оберег стукнул об пол, но как кузнец его подбирал, девка уже не застала – вылетела из избы прочь, едва кожух подхватив. Лучше уж по соседям поспрашивать Ссоху, чем ещё хоть лучинку просидеть с этим...

***

Ссоху отыскать не удалось, потому, чем ближе к вечеру, тем тревожнее Ветле делалось. Покуда солнышко не скатилось за заснеженные холмы, она и не чаяла бояться. Что худого может сделаться в родной-то Пеканьке? Тут каждая изба знакома, каждый угол родной. А коли в самом деле явится нечистик в овине или в бане, так ясно, как от него уберечься. Знала Ветлушка слова защитные, носила при себе мешочек с сушёной полынью, а вкруг двора с батькой вместе высадила крапиву, ну да нынче обережная трава похоронена глубоко под снегом, не поможет. Но зимние дни коротки, а ночи люты. И пришёл час, когда девица нет-нет, а вспоминала наказ кузнеца. Уж почто Радим смелый, и по дрова один, и на охоту, а испугался ведь, стоило обмолвиться о гадании. Расспросить бы поболе, да разве с эдаким грубияном можно речи вести? Ох, нашлась бы матка Ссоха! Но вдова как сквозь землю провалилась… Вот и спряталась Ветлая после заката дома. В избе хорошо – топлено, покойно. Жёлтый свет лучин разгоняет тени. А в окошко, в черноту и холод, лучше не коситься…

Зато Голова ходил довольный. Целую седмицу перед праздником Перелома его, как заведено, звали то в один, то в другой двор и потчевали от пуза. И нынче он тоже наказал Ветле не стряпать. Того больше, потрепал по волосам и велел:

– Подружек бы позвала, песни бы попели, погадали…

У девицы руки похолодели, но она через силу улыбнулась:

– Позову, батюшка.

– Но чтоб только подружек! А то, чуть за порог, – мигом женихи явятся!

Ветла побледнела.

– Парней метлой погоним, – пообещала она.

– Озорница! Ты девка хоть куда, за тобою пригляд нужен!

Голова неловко поцеловал дочь в темя, накинул кожух и был таков. А Ветла осталась. Оно бы в самом деле позвать подруг. Верно, тогда тень под лавкой перестанет шевелиться, а уголья в печи так страшно шептать. Но отчего-то девица тянула. Ралка-то как раз в гости напрашивалась. А после неё Залушка. И обеим Ветла соврала, будто батюшка осерчал и вос-

претил чужих пускать, покуда праздники не кончатся. А почему соврала, сама не знала. И вот сидела девица под окном да сучила пряжу, боясь и из дому пойти, и в доме остаться. Ждала невесть чего и, страху вопреки, посматривала в окошко.

Нынче боги ясной ночи пожалели. Небо заволокло тучами, и лишь изредка их покрывало вспарывали острые рога полумесяца. И падала сверху мелкая крупка, и от того в глазах стояла рябь. Веретёнце кружилось по полу, нить выходила тонкая и ладная, как и всегда у Ветлаи, а сердечко бередила тревога. Всё мстилось: то колокольцы звякнут вдалеке, то окликнет кто-то, то и вовсе скрипнет что-то в самой избе. Снежной крупки делалось всё больше, и вот уже скоро за белой занавесью скрылись и месяц, и соседская хата.

– Только бы батюшка не заплутал впотьмах, – вздохнула Ветла.

Ясно, что в родной деревне Голова не потеряется, но непогодь силилась, и обратный путь, да ещё с пьяных глаз, мог не кончиться добром. А тут ещё и ветер промчался по Пеканьке, вздымая снег с земли, и стало вовсе не видать ни зги. И в самом деле, будто бы в пурге колокольцы перезванивались…

– Ох, Щур, защити! – взмолилась Ветла.

Сквозь мутную слюду и в погожий денёк мало что разглядишь, не то что в снегопад. Но словно бы у калитки темнело что-то… Ветла хотела осенить себя защитным знаком, но точно позвал кто-то:

– Ветлушка!

Рука и опустилась.

Нить оборвалась, веретёнце упало, покатилось. Ветлая и не заметила. Потому что окликнули её вдругорядь, и голос был знакомым.

Девица схватила тулупчик и распахнула дверь. Выскочила на крыльцо – и видит: стоят на дороге сани, запряжённые тройкой лошадей. А подле тех саней стоит…

– Скра-а-а-ад!

Скорей, скорей в объятия милого! Глаз от него не отрывать, не дышать, не думать… Не ровен час отвернёшься на миг – и пропадёт морок в метели. За спиною хлопнула дверь: больше нет защиты избяного тепла! Мягкие валяные сапожки увязли в снегу, но что Ветлае холод, когда суженый ждёт! Вот и двор остался позади, скрипнула калитка, и лишь тогда л*ю*бый подался навстречу. Подхватил, укутал в собственный тулуп поверх девичьего.

– Любушка, заморозишься ведь!

– Ты меня отогреешь! – счастливо вздохнула Ветла, приникая к его губам.

Всё тот же! Высок, силён, в глазах искры, а кудри под песцовой шапкой – что снопья пшеничные! Губы лишь холодны, но то, верно, от ветра.

– Зачем ты вышла, жизнь моя?

– К тебе! К тебе вышла, глупый!

Он притиснул её груди что было мочи, а у Ветлаи впервые за целый год все мысли из головушки пропали. Не осталось ни дум тяжких, ни страхов, ни горестей. Дождалась!

Прежде кожа у Скрада была янтарная: не сидел сиднем дома, а целое лето то в поле, то на торгах. Любило солнышко Скрада. Ну да его все любили. Как иначе-то? Шутит, смеётся, пляшет ловко, песни поёт. А коли возьмёт за руку, так и вовсе сердечко замирает. Но то прежде.

– Что ж ты бледен, друг мой?

Чело Скрада перечеркнула морщина.

– Словно год солнца не видал…

– Неужто столько трудился?

– Труд мой не тяжёл, да дорог. Считай, бока отлёживал. Лежать только пришлось в тесноте да темноте…

– То в прошлом, милый! Нынче ты дома, теперь никто тебя от солнышка не спрячет! Пойдём матку Ссоху навестим! Она горючими слезами по тебе умывается!

Скрад покачал головой – словно старое дерево заскрипело.

– Не время. Нынче тебе одной показаться могу. И то недолго. Лишь петухи пропоют – надобно воротиться.

– Куда, милый?

Жених открыл рот, но сказать не сумел. Лишь проскрипел, как старый дед, а после посадил Ветлу в сани да устроился рядом.

– Любый мой, вьюга воет. Околеешь…

Ветла скинула было второй тулуп, но жених мотнул головой.

– Не замёрзну, – был ответ. И велел лошадям: – Пошли!

Те, словно человечью речь разумели, сорвались с места. Зазвенели колокольцы, свистнула вьюга. Ветла втянула голову в плечи – так помчали они по деревне. Полозья словно не по снегу, а по воздуху летели, и вот уже Пеканька далече! Роща, лес, поле, речка – всё позади осталось. Снег справа, снег слева, спереди и позади. Не отыскать обратной дороги!

– Скрадушко, милый, куда несёмся?

А жених сидел рядом недвижим, глядел вперёд и взгляд у него был словно мёртвый… Снег ложился на его бледны щёки, руки посинели, но рукавиц он так и не натянул. Девку вдруг не холодом пробрало, а самым настоящим ужасом. Она вцепилась в плечо жениха.

– Куда ты везёшь меня, Скрад?

Он поворотил голову и растянул губы, а те потрескались на морозе, но крови не выступило.

– Не бойся, жизнь моя. Домчимся раньше петухов.

– Куда же?!

– Туда, где клятвы принесём и назовёмся мужем и женою пред богами. Туда, где уложат нас на жёсткую постель да накроют деревянным одеялом. Туда, где музыку нам станут играть молотки да гвозди.

– Мне страшно, милый…

– Не бойся, жизнь моя. Домчимся раньше мёртвых.

– Зачем же ты о мёртвых… Не тревожь их покой.

– Об том не той судить, кто мертвеца разбудила.

Скрад улыбнулся шире, и изо рта его полилась чёрная гночевица.

Ветлая завизжала:

– Щур, защити! Протри глаза, убереги, Щур!

Метель завыла пуще прежнего, Скрад привлёк девицу к груди, и запахло тленом. Ветлая забилась – но не вырваться из железных рук, не увернуться от хладных поцелуев. Руки милого всё те же, да не ласкают плечи, а сжимают до синяков. Не поцелуи терзали её, а укусы.

– Пусти! Скрадушко, милый, это я! Очнись же!

Но холоден милый и безмолвен. И неутолим его голод…

– Жизнь моя…

Не попрощаться Ветлушке с отцом, не кинуть прощальный взгляд на деревню, не спеть с подружками, не нарядиться к празднику Перелома. Девица обмякла: нет ей спасения! Как вдруг рёв пурги прорезало хриплое карканье, а снежную круговерть вспороли чёрные крылья.

Огромный ворон упал на сани с небес, а в клюве он держал железный оберег на бечёвочке. Оберег упал девке на колени, и Скрад отпрянул, как от огня. А ворон ну кричать:

– Кар-р-р! Кар-р-р! Пр-р-р-рочь! Пр-р-р-рочь!

Пропали сани. Исчез жених. Провалились сквозь землю ретивые кони. Ветла стояла посередь поля, а санного следа не было ни впереди, ни позади. Не уцелел и оберег: треснул посередь, и чудилось, что вытекает из него на снежную целину колдовской жар. Ворон опустился подле девки и деловито прошёлся в одну и в другую сторону, а Ветлая выдавила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.